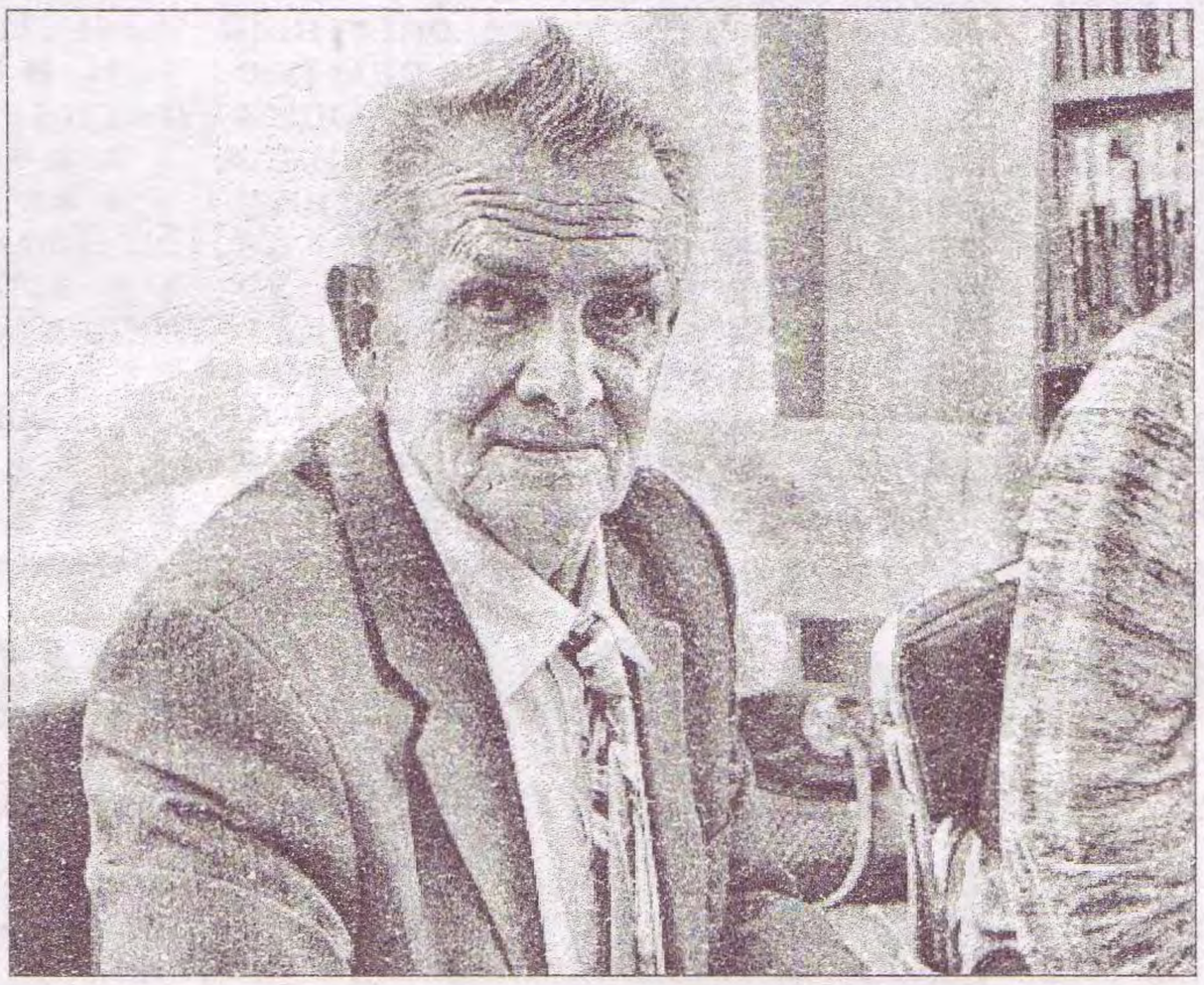
• *Твои люди, округ!*

ПОСЛЕДНИЙ РОМАНТИК

Солнцем даль запылала.
Я любуюсь тобой,
Мой посёлок Палана
Над Паланой-рекой...
...Что мне жаркие
страны,
Красота южных рек...
Я суровой Паланы
Не покину вовек.
Тундра дарит мне песни
Про любовь и весну.
Нет тех песен
чудесней,
Песни тундре верну.



Читаю эти строки, и перед глазами встаёт яркий, наполненный счастьем и солнцем танец, который сегодня стал такой же классикой корякской хореографии, как знаменитые «мэнговские» «Чайки» и «Алеуточка». Летит над залом звонкий напев юной Тани Ягановой, а вот вступает знакомый тёплый голос её отца, Петра Яганова, исполняющего слова песни на корякском языке. Это его музыка легла в основу «Песни о Палане», замечательного номера, традиционно исполняемого в день рождения любимого посёлка. А стихи... О, эти чудные строчки, в которые вместились и просторы тундры, и берег холодного Охотского моря, и звёздные паланские вечера, о которых поют красавицы-корячки! Они написаны человеком, душа которого была душой настоящего романтика, поэтом Алексеем Власовым.

Родившийся за год до начала самой страшной нашей войны, 22 июня 1940 года, в эти дни он отметил бы свой 80-летний юбилей. И наверняка отметил бы его здесь, на паланской земле, со своими преданными читателями и друзьями, с теми, кто стал смыслом его жизни более полувека назад. И, рассказывая о своей жизни, возвращался бы мыслями вновь и вновь в родные края, просторные ростовские степи. Родившийся в небольшом селе Сохрановка, хлебнувший голодного военного детства, Алёша должен был по всем законам судьбы связать свою жизнь с этим щедрым краем, с бездонным синим небом, с колосящимся морем хлебов и жарким солнцем. Но что-то бередило душу яснооkого паренька, ведя его разными путями – от актёра провинциального театра до учителя русского языка и литературы в родном селе, куда он вернулся после университета. Нет, не здесь его призвание, думалось ему.

Как мать меня оберегала,
Как обходилась, как
пеклась!
То одеяло поправляла,
Чтоб не простыл
в недобрый час.
То прятала меня от
ливня
Цветущей, вешнею порой,
Куском макухи
осчастливив
В Сохрановке
прифронтовой.
Так берегла, чтоб был я
хваткий,
Чтоб стать была пряма
и речь.
Но от застуженной
Камчатки
Всё ж не сумела
уберечь...

Почему Камчатка? Ответа на этот вопрос сам поэт напрямую не давал. Но можно предположить, что приглашение на работу в далёкий край поступило молодому талантливому автору не случайно – ведь за год до этого он стал полноправным участником Всесоюзного совещания молодых поэтов. И профессиональную писательскую карьеру начал с должности ответственного секретаря районной газеты «Алеутская звезда» в 1965 году. Нужно отметить, что остров Беринга, продуваемый всеми мировыми ветрами, способствовал рождению целого цикла стихов, разительно отличающихся от написанного Алексеем Григорьевичем на своей родине. Если строки, посвящённые дому, мягки, лиричны и напоены ароматами цветущей вишни, донского разнотравья, то в стихах, написанных на Командорах, кажется, каждое слово бьёт по лицу, как ледяная волна Тихого океана.

Пусть солнце –
тринадцать дней в году,
Выдюжим – чёрт не
возьмёт!
Идём за песцами по льду,
по хребту,
По мшистым кочкам
болот...
Если ж захочешь
уехать ты
Отсюда, то чайки –
в крик.
Этот остров, эти
хребты
Не променяем на
материк.

За восемь лет Алексей, невысокий, хрупкий, поработал и заместителем редактора рыбацкой газеты «За высокие уловы», и помощником капитана на рыболовном траулере, и инспектором Камчатрыбвода. Казалось бы: ну где маленькое хлеборобное село и где – тяжелейшие рыбацкие будни? Как и чем могут быть связаны они в душе одного человека? И опять строки Власова:

Струится Дон, течёт
Камчатка.
И тут ветла, и там
ветла.
Судьбе бросаю я
перчатку.

КАМЧАТКИ

И – на коня! И – на ветра!
Несёт в дорогу не обида,
А забурунные крыла.
И вот она, моя Колхида,
Золоторунные края…
Все эти горы и распадки –
Первопроходческий оплот.
…И Пушкин тянется к Камчатке.
И Витус Беринг к ней плывёт.

Да, Алексей Григорьевич Власов, крестьянский сын, был неизлечимо болен романтикой, которая вела его неизведанными и, порой, самыми рискованными путями. Так, в стремлении познакомиться с жизнью коренных северян, он оказался в 1973 году на корякской земле в качестве собственного корреспондента популярнейшей на полуострове газеты «Камчатский комсомолец». И прикипел сердцем к нашему краю. Объездив все районы и сёла округа, прожив рядом с оленеводами и рыбаками, он открыл для себя новый мир, где каждый твой шаг связан с природой и окружающими тебя людьми, где речь и песни так не похожи на материнские напевы, где о людях судят не по дипломам и красивым словам, а по их поступкам. «Местом силы» стала для поэта Корякия, она наполнила его новыми мечтами и стремлениями, провела трудными горными тропами к животворящему роднику вдохновения. Здесь встретил он свою Тоню, солистку ансамбля «Мэнго», которая подарила ему сына, светлолицего, но с раскосыми азиатскими глазами. Здесь он состоялся как профессиональный поэт. Конечно, его светлые стихи во множестве печатались и раньше – в газетах и журналах, литературных альманахах. Но первые книги Алексея Власова были созданы уже здесь, в Палане. Как ни странно, несмотря на большое творческое наследие, было издано всего четыре поэтических сборника. Но и они, не очень большие по объёму, стали классикой корякской и российской литературы. Строки этих книг наполнены ветрами Дона и Камчатки, шелестом листвы цветущих яблонь и приземистых северных берёз, трудовыми буднями хлеборобов и оленеводов. Сам поэт ощущал себя скифом, посланником далёких степей в северном краю…

По бездорожью мчатся скифы…
Увы! Кочевья дух забыт.
Не ржёт гнедой,
И мне тоскливо
Без грохота его копыт.
Но мир увлёк меня звучаньем,
И я кочую по земле,
Ночую в доме, где чукчане,
В Аянке – пенжинском селе.
Здесь всё добротно,
Жар уюта.
Стихает за окном борей.
Застыла сопка, словно юрта
Продымленных, забытых дней.
Ветвистые оленьи тропы
Упёрлись лбами в океан…
Поёт кочевник из Европы
Среди оседлых северян.

Чуткая его душа и искренний, какой-то детский интерес ко всему, что происходит в жизни, дарили ему встречи с самыми разными людьми, открывали двери в любые инстанции. Алексея Григорьевича отличала врождённая интеллигентность и вера в добро, и эти качества он сберёг в душе до последних дней. Он был настоящим другом – совестливым, остро чувствовавшим несправедливость, находившим слова поддержки в любой ситуации. Может быть, именно эти качества помогали ему в работе с начинающими авторами, которые пробовали свои силы на страницах районных и окружной газет. Он умел похвалить и мягко отметить недостатки, подсказать верный слог, дать почувствовать себя талантливым и нужным. Он был завсегдатаем всех культурных мероприятий и каждый раз как будто заново открывал для себя яркую одарённость людей Корякии. Но всё чаще ему снились родные донские степи, и однажды он сорвался, уехал в маленький отчий дом, покосившийся от времени и недосмотра. И… не смог там остаться, вернулся в Палану. С этой минуты сердце его жило в двух мирах, он не находил себе покоя: там – могилка матери, воспоминания о детстве и юности, здесь, на Севере – смысл всей жизни, «связь с космосом», который наполнял его поэтическим даром. Да, уходили из жизни его собратья по перу, такие же жадные до жизни писатели Владимир Коянто, Евгений Коптев, угасла жена, но душа уже навечно прикипела к Камчатке…

Улетели други, улетели,
Не слыхать их звонких голосов.
Улетели други, те, что пели
В тишине у тундровых костров…
…Притаились вдалеке метели,
Припасают мне на сердце соль…
Улетели други, улетели.
Ну, а я остался.
Вот и всё.

В очередной раз уехав в Сохрановку, чтобы договориться о ремонте дома, он планировал вскоре вернуться сюда, в Палану, где ждут его друзья-«Чакоки», любимая библиотека, сопки, покрытые кедрачом, крепкий чай у тундрового костра… Сердце, так и не привыкшее жить наполовину, остановилось в феврале этого года. Но память упорно возвращает к жизни невысокий изящный силуэт в щегольском сером пальто, внимательные голубые глаза под светлым чубом и приветливую улыбку, обращённую именно к тебе, самому важному человеку для поэта в этот миг. И всё так же спешит на встречу с нами последний романтик Камчатки – Алексей Власов.

Т. КОСЫГИНА.